

И. Е. Пушкарев
**АТИПИЧНОЕ СТАНДАРТНОЕ. РУДНИК НОВОГО ВРЕМЕНИ
КАК ОБЪЕКТ АРХЕОЛОГИИ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ**

doi: 10.30759/1728-9718-2026-1(90)-96-104

УДК 902.2:94(470.5)

ББК 63.4(235.55)

Индустриальная археология как отдельная ветвь городской археологии в последние пять лет переживает на Среднем Урале своеобразный ренессанс. В значительной степени катализатором этого послужили многочисленные девелоперские проекты и процессы ревитализации, вовлекающие в хозяйственное освоение все новые и новые территории. Так, в Екатеринбурге на учет в качестве выявленных объектов археологического наследия за последние несколько лет поставлены площадки бывших Уктусского железодельного и Нижнеисетского сталеного заводов, в Ревдинском городском округе — плотина и сам Мариинский молотовый завод. Однако результаты археологических работ на бывших промышленных и горнодобывающих площадках XVIII–XIX вв. практически не вводятся в научный оборот. Некоторые группы памятников, как, например, рудники и шахты Нового времени, и вовсе воспринимаются как нечто экзотическое, атипичное. Статья направлена на восполнение обозначенных исследовательских лакун с опорой на изыскания коллектива Музея истории Екатеринбурга по выявлению и постановке на учет старопромышленных объектов — таких как Квашнинский рудник в Екатеринбурге и Сагринский рудник в Невьянском городском округе. В силу того что на Урале находится наибольшее количество выработанных шахт, карьеров и заброшенных горнозаводских ландшафтов, в том числе экстрактивных площадок XVIII–XIX вв., количество исследований подобного типа памятников в ближайшие годы будет только нарастать.

Ключевые слова: *индустриальная археология, Новое время, объект культурного наследия, завод, Квашнинский рудник, Сагринский рудник, поселенческий слой Екатеринбурга, экстрактивный ландшафт, горнопромышленный комплекс*

Вопрос о том, что промышленность имеет свое право на археологию, как и любая другая форма человеческой деятельности, был поставлен в середине 1950-х гг. По крайней мере, так его сформулировал основоположник термина «индустриальная археология» — директор внеклассных исследований Бирмингемского университета, архитектор Д. Г. Дадли.¹ И даже те, кто, как Л. С. Клейн, считали, что индустриальная (промышленная) археология должна остаться вне археологии как таковой, никогда не отрицали за промышленностью Нового времени права на исследования методами археологии.² Сама враждебность по отношению к индустриальной археологии в 1960–1970-х гг. вполне понятна. «Археология была синонимом раскопок так долго, что наземный материал не заслуживал серьезного внимания, и, во-вторых, все, что датировалось только XIX или XX в., было еще недостаточно старым, чтобы иметь какую-либо археологическую ценность», — отмечал в 1971 г. К. Хадсон.

Сегодня эти дискуссии относятся к историографии, потеряв актуальность, в том числе в России, которая с 1994 г. входит в Международный комитет по сохранению индустриального наследия (ТССИН; первым представителем РФ в комитете был академик РАН В. В. Алексеев).³ В Нижнетагильской хартии индустриального наследия, принятой по итогам XII конгресса Международного комитета по сохранению индустриального наследия (ТССИН) в 2003 г., индустриальная археология определена как «междисциплинарный метод изучения всех свидетельств, материальных и нематериальных, документов, артефактов, стратиграфии и сооружений, поселений, природных и городских ландшафтов, созданных для промышленных процессов или в результате их осуществления». Также хартия закрепила за индустриальной археологией право на использование методов исследования, которые наиболее подходят для углубления понимания индустриального прошлого.

¹ Hudson K. *Social History of Archaeology*. London, 1981. P. 155–156.

² Клейн Л. С. *Археологические источники*. Л., 1978. С. 52, 61, 62.

³ Запарий В. В. *Индустриальное наследие (к вопросу о понимании данной концепции в России и за рубежом)* // *Экономическая история*. Обзорение. М., 2007. Вып. 13. С. 211, 212.

Типология объектов, исследуемых индустриальной археологией, предложена в 1970х гг.⁴ и в целом остается актуальной до сих пор. По функциональному принципу выделяется пять основных типов объектов: а) производственные центры (мастерские, металлургические заводы и фабрики, шахты и те места, в которых есть какое-либо производство); б) склады и хранилища (для хранения сырья, полуфабрикатов и готовой продукции); в) энергия (места, где энергия генерируется, передается и используется, включая энергию падающей воды); г) транспорт (пассажирские и грузовые транспортные средства и их инфраструктура, состоящая из железнодорожных путей, портов, дорог и аэровокзалов); д) социальная среда (места поселения рабочих, школы, церкви, больницы при фабриках и т. д.).⁵ Кроме того, классификация может осуществляться по отраслевому и хронологическому принципу. В разрезе археологических исследований это важные, но лишь дополнительные характеристики объектов.

В СССР первые раскопки старых промышленных объектов были проведены в Московской области на площадках бывших Духанинского и Черноголовского стеклянных заводов XVII в.⁶ Однако исследования памятников Нового времени, включая обследование в 1953–1954 гг. в Ленинградской области остатков Усть-Рудницкой мозаичной фабрики М. В. Ломоносова, долго носили случайный характер.⁷ На Урале первые небольшие раскопки Ницинского, Железнянского и Пыскорского сыродутных заводов XVII в. в 1960–1970-е гг. провела сотрудник Нижнетагильского краеведческого музея А. И. Рассадович.⁸ Затем остатки медного производства исследовал в Верхотурье В. А. Оборин.⁹ Именно заводские площадки долгое время продолжали оставаться хоть сколько-нибудь понятным и, в силу этого, типичным объектом археологических исследований (ОАН) в регионе.

На протяжении 2020–2025 гг. перечень выявленных объектов культурного наследия Свердловской области пополнился как минимум семью объектами археологии Нового времени, связанными с горнозаводской историей. Среди них объекты, относящиеся к предыстории и ранним годами существования Екатеринбурга — завода-крепости на реке Исети. В 2022–2023 гг. Управлением государственной охраны объектов культурного наследия Свердловской области (УГООКН СО) утверждены границы территории и установлен режим использования территории для объектов археологического наследия «Остатки плотины Уктусского железоделательного и золотопромывального завода 1702–1847 гг.», «Плотина и Мариинский молотовый завод на р. Ревда», «Культурный слой Нижнетагильского Демидовского завода XVIII — начала XX вв.» и «Нижне-Исетский стальной (железоделательный) завод» конца XVIII — начала XX в. В 2025 г. — для «Культурного слоя поселка Верх-Исетского завода на левом берегу р. Исеть XIX — начала XX вв.». Особняком в этом ряду, словно чужеродный элемент, стоят два памятника, выявленные и поставленные на учет в 2022–2023 гг. специалистами Музея истории Екатеринбурга (МИЕ). Это «Квашнинский рудник Нижне-Исетской казенной дачи» и «Сагринский рудник» конца XVIII — начала XIX в. Работы по их изучению велись в рамках приуроченной к 300-летию города научной программы по поиску старых промышленных объектов, связанных с Екатеринбургом в исторической ретроспективе.

Почему именно эти объекты можно охарактеризовать как атипичные? Несмотря на более ранние работы А. И. Рассадович и В. А. Оборина, индустриальная археология в Свердловской области начала развиваться как самостоятельное направление только в начале 1990-х гг.¹⁰ Первые раскопки старопромышленной площадки в Екатеринбурге прошли в 1992 г., когда под руководством Е. А. Курлаева была исследована территория Шувакишского завода, пущенного в 1706 г. и ставшего первым частным предприятием такого рода на территории нынешнего Екатеринбурга.¹¹ К 2023 г. было изучено «28 разрушенных заводских площадок и рудников XVII–

⁴ Hudson K. *World Industrial Archaeology*. Cambridge; London; New York; Melbourne, 1979. P. 37–212.

⁵ Запарий В. В. Указ. соч. С. 215, 216.

⁶ Бакланова Н. А. Стеклянные заводы в Московском государстве XVII века // *Очерки по истории торговли и промышленности в России в XVII и в начале XVIII столетия*. М., 1928. С. 119–141. (Труды ГИМ; вып. 4).

⁷ Плевако В. Б. Возникновение и развитие промышленной археологии // *Памятники науки и техники*. М., 1990. С. 3–15.

⁸ Рассадович А. И. К вопросу об истоках уральской горной промышленности // *Уральский археографический ежегодник за 1971 г.* Свердловск, 1974. С. 189, 190.

⁹ Оборин В. А. Некоторые вопросы археологического изучения уральских городов XVI–XVII вв. // *Памятники древнейшей истории Евразии*. 1975. С. 264–270.

¹⁰ Курлаев Е. А. Археология в изучении истории промышленности Урала // *Охранные археологические исследования на Среднем Урале*. М., 2001. Вып. 4. С. 159–169.

¹¹ Курлаев Е. А. Исследование Шувакишского завода и проблемы промышленной археологии // *Ползуновские чтения: тезисы конференции*. Екатеринбург, 1994. С. 33–36.

XVIII вв.»¹² Итак, рудники как объекты исследования давно находятся в поле зрения уральских археологов. Однако результаты этих изысканий представлены в информационной сфере слабо. В доступной версии перечня объектов культурного наследия (ОКН) на сайте УГООКН СО нет ни одного упоминания о рудниках Нового времени в качестве выявленных ОАН вплоть до 2022 г. Можно предположить, что дело здесь в юридическом казусе, то есть в отсутствии в распоряжении управления исчерпывающей информации (научных отчетов) об археологических работах, проводившихся до момента создания самого контролирующего органа в 2015 г. Другая часть проблемы — отсутствие достаточного количества научных публикаций об итогах археологических обследований рудников Нового времени на территории Свердловской области — в основном такие работы лишь упоминаются.¹³

Таким образом, в научный оборот эта группа памятников полноценно не введена. По этой причине ее можно считать атипичной: рудники Нового времени выглядят экзотично даже на фоне немногочисленных объектов горнозаводского наследия, исследованных методами археологии. А ведь они (как и другие виды горнодобывающих площадок) зачастую просто не отождествляются с объектами, с которыми может иметь дело городская археология, в отличие, к примеру, от так называемых поселенческих культурных слоев. Слишком уж неожиданным кажется обнаружить следы горных выработок в центральной части города с его плотной застройкой. Между тем история современного городского пространства Екатеринбурга неразрывно связана с процессом поиска и добычи полезных ископаемых. Так, строительство Уктусского железодельного завода в 1702–1704 гг. было обусловлено наличием вблизи хорошей рудной базы. Направленный сюда с Каменского завода плотинный мастер Е. Яковлев выбрал место, удобное для строительства плотины, находившееся неподалеку от залежей железной руды и крупных лесных массивов.¹⁴ В XVIII в. описания и чертежи рудников, в том числе расположенных в границах нынешнего Екатеринбурга и других городов Урала, были неотъемлемой частью технической документации, готовившейся горными начальниками, включая Г. В. де Геннина.¹⁵ В последующие десятилетия ландшафт даже в центре Екатеринбурга изменила золотая лихорадка. Россыпи золотоносного песка в 1817 г. были обнаружены на левом притоке Исети — речке Мельковке. В том же году там начала работу золотопромывальная фабрика. К 1823 г., в самый разгар золотой лихорадки, в Екатеринбурге действовало уже 80 частных приисков, в золотодобыче были заняты 2 тыс. человек (при численности населения города тогда менее 15 тыс. человек).¹⁶ А. Я. Купфер, побывавший в 1828 г. в Екатеринбурге, в своих путевых заметках так описал его жителей: «Население составляют чиновники, купцы, наиболее богатые из которых владеют рудниками и которые почти все принадлежат к секте староверов, и, наконец, мастеровые, работающие на окрестных рудниках и заводах».¹⁷ Даже привычный археологам поселенческий слой Екатеринбурга XVIII–XIX вв. и тот хранит в себе немало отсылок к горнодобывающей отрасли. Подтверждение тому — найденный при исследовании дома инженера Ипатьева каменный колодец-шахта, пробитый горнопроходческими методами в монолитной скале Вознесенской горы,¹⁸ или находка штангового насоса при раскопках 2023 г. на территории усадьбы статского советника Ф. Л. Миллера — горного инженера, управителя Саткинского завода (с 1847 г.) и горного начальника Богословских заводов (1860–1865 гг.). Итак, рудники Нового времени, как и иные горнодобывающие площадки, для Екатеринбурга и других уральских городов — это пока нечто атипично-стандартное. Атипичное — в части археологических исследований (прежде всего тех, что введены в научный оборот). Стандартное — для корпуса письменных исторических источников и свидетельств.

¹² Курлаев Е. А. Историческая реконструкция первых уральских заводов // Региональные столицы России — точки опоры и роста: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Екатеринбург, 2023. С. 40.

¹³ Погорелов С. Н. Первые тайны городской археологии Екатеринбурга: исследования и открытия рубежа XX–XXI вв. // Историко-географический журнал. 2023. Т. 2, № 4. С. 54–71.

¹⁴ Уктус, Уктусский завод и его окрестности в XVII–XVIII вв. / Байдин В. И. [и др.]. Екатеринбург, 2011. С. 20–21.

¹⁵ Абрисы В. де Геннина. Чертежи и планы уральских и сибирских заводов XVIII века. Екатеринбург, 2015. С. 114–137.

¹⁶ Влияние золотодобычи на градостроительный ландшафт Екатеринбургской агломерации / Алексеева Е. В. [и др.] // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2023. № 4. С. 11.

¹⁷ Kupffer A. T. Voyage dans l'Oural entrepris en 1828. 1833. С. 171, 172.

¹⁸ Погорелов С. Н. Предварительные итоги исторических исследований территории Ипатьевской усадьбы в 2000–2001 годах // Православие на Урале. Вехи истории: материалы второй межрегиональной научно-практической конференции. Екатеринбург, 2013. С. 189–205.

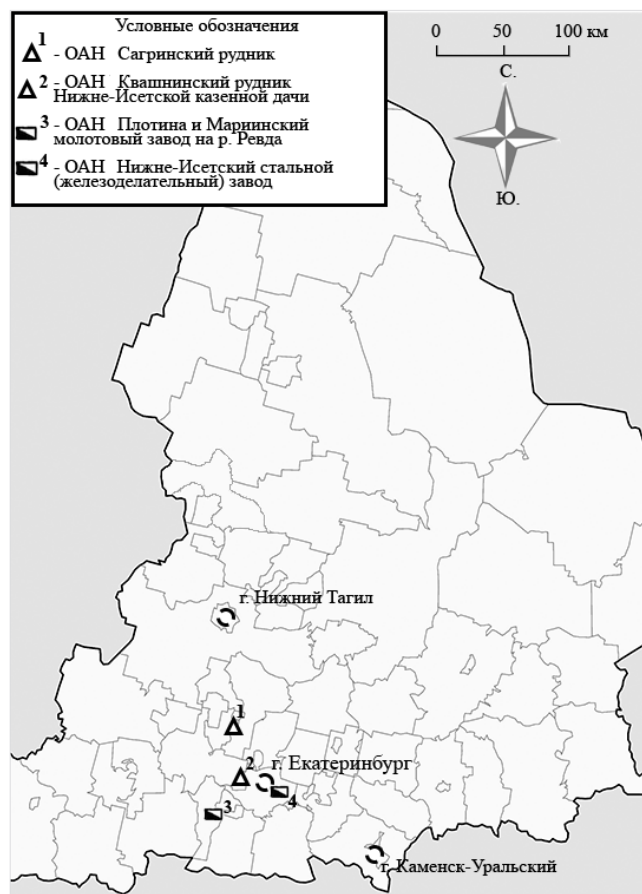

Рис. 1. Месторасположение старопромышленных объектов археологического наследия, выявленных и поставленных на учет Музеем истории Екатеринбурга в 2022–2024 гг.

ском медном руднике по наличию строений, припасам и материалам, сколько каких по оценке оказалось значительнее всего» от 12 ноября 1813 г., приложенная к рапорту из Екатеринбургской монетной конторы в Главную Екатеринбургских заводов контору, дает подробную характеристику строений, инструментов и материалов, использовавшихся на руднике. В 1820-х гг. площадка перестала функционировать и была заброшена.

Площадь обследованного в 2023 г. участка составила 7,8 га. В ходе исследований был выделен объект культурного наследия площадью около 2 га, расположенный в 820 м на северо-восток от левого берега реки Сагры. В ходе визуального осмотра участка, проведения топографической съемки и на основании фотограмметрической съемки было выявлено семь объектов (шесть шахт и штольня), относящихся к периоду функционированию Сагринского рудника. Все они имели производственный характер и соответствовали данным, содержащимся в инвентаризационной описи площадки от 29 июля 1813 г. Самый крупный среди этих объектов — шахта № 1, расположенная в юго-восточной части участка. Глубина шахты составляет 10,08 м от дневной поверхности до нижней фиксируемой точки, ширина ствола от 2,5 м до 3 м (в верхней части расширяется в виде воронки вверх до 5 м на уровне дневной поверхности). В нижней части шахты фиксируется сохранившаяся крепь из бревен. К этой шахте прорублена горизонтальная штольня. Размер лаза — чуть больше 1 м в высоту (частично засыпан) и 1,35 м в ширину. Общая протяженность штольни — 9,6 м. Основной конструкцией деревянной крепи штольни является крепежная рама, которая состоит из верхняка и двух стоек. В большей части штольни верхняк сторел и обрушился, в первоначальном состоянии он сохранился лишь на входе и выходе из штольни. Крепежная рама выполнена из пластин (бревно, распиленное на две равные части). В юго-восточной части крепи сохранились 12 вертикальных бревен (стоек) и 2 горизонтальных.

¹⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5872. Л. 1–54.

²⁰ ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2753. Л. 1–3.

Таков Сагринский медный рудник, выявленный на территории Невьянского городского округа Свердловской области сотрудниками МИЕ под руководством К. А. Петровской и поставленный на учет в качестве ОАН в 2023 г. (рис. 1). Этот рудник хорошо известен по письменным источникам. Первое упоминание о нем относится к 1767 г., когда екатеринбургские купцы И. Д. и П. Д. Дубровины обнаружили залежи медной руды в верхнем течении реки Исети, вблизи лога, именуемого Сагринским. Согласно Указу Канцелярии главного правления Сибирских и Казанских (Оренбургских) заводов, Сагринский рудник был передан во владение купцам Дубровиным в 1777 г.¹⁹ В 1795 г. между купцами Дубровиными и наследниками заводчика А. Ф. Турчанинова, владевшими Сысертским заводом, был заключен договор о поставках руды с Сагринского рудника. Но всего через год между сторонами началась тяжба со взаимными обвинениями в нарушении договора. Решениями Канцелярии главного заводов правления рудник то приписывали к Екатеринбургскому заводу (в 1797 г.), то вновь отдавали на содержание Дубровиным. Его регулярно топило. Дубровиным выделяли деньги и ресурсы на восстановление, но рос только их долг — к маю 1809 г. он составил 3816 руб. 90 коп.²⁰ Сохранившаяся «Опись, составленная при Сагрин-

Собранная коллекция состоит из 34 предметов: из металла (26 ед.), керамики (7 ед.) и гранитной плитки со следами бурения. Среди металлических предметов преобладают отходы металлургического производства (всплески и шлаки). Также найдены остатки ножей (2 ед.), кирки и молота. Судя по типологии, все предметы можно датировать второй половиной XVIII — первой половиной XIX в., что коррелирует со временем существования горнодобывающей площадки.

Более сложный случай представляет собой Квашнинский рудник, поставленный на учет в качестве выявленного ОКН в 2022 г. (рис. 1). Этот рудник упоминается Г. В. де Генниным в реестре строений при Уктусском заводе: «Руды железные к тому заводу брались и ныне берутца с Решетского рудника... с Шиловского... с Квашнинского, от заводу в 15 верстах, прииску уктусского жителя Ивана Квашнина в 1722 году».²¹ Разработки велись в грунте межскальных трещин и котловин по восточному склону долины реки Большой Каменки (впадает в болото Карасье), примерно в 3,5 км к югу от реки Исети (позже — от южного берега Верх-Исетского пруда). Руда встречается здесь местами практически на поверхности в виде лимонитов, красных охряных конкреций и бурого железняка. Со второй четверти XVIII в. руда с Квашнинского рудника поступала в том числе на Верх-Исетский железоделательный завод, пущенный в 1726 г.²² Активная фаза разработки Квашнинского рудника приходится на вторую треть XVIII — начало XX вв. С начала 1920-х гг. его перестают отмечать на картах, хотя окрестности бывшего рудника еще какое-то время продолжали оставаться обжитыми. Об этом, в частности, свидетельствуют воспоминания рабочего Верх-Исетского завода, участника расстрела царской семьи П. З. Ермакова.²³ В 1918 г. под началом непосредственного руководителя расстрела Я. М. Юровского эти места обследовались с целью поиска шахты, подходящей для сокрытия тел императора Николая II, членов его семьи и сопровождающих лиц. От использования территории Квашнинского рудника отказались из-за наличия здесь жилого кордона.²⁴ В июле 1918 г. тела Романовых попытались уничтожить в районе Ганиной ямы, затем перевезли в район Поросенкова лога и закопали под старой Коптяковской дорогой — обе локации к северо-западу от Екатеринбурга.

В 1930–1950-х гг. территория бывшего Квашнинского рудника между Старым Московским и Чусовским трактами оказалась включена в зону испытательного полигона НКВД. В открытых и доступных источниках детальных сведений о его размерах и характере деятельности не сохранилось. Вероятно, здесь испытывались различные системы вооружений — стрелковых и артиллерийских. Центральная часть площадки использовалась для приведения в исполнение смертных приговоров и захоронения тел репрессированных.²⁵ Усложненный рудокопами рельеф местности оказался удобен для маскировки мест массовых захоронений. Использовалась и часть инфраструктуры, оставшейся от рудника. Публичная же история территории в XX в. оказалась связана с развитием на Урале биатлона. Прообразом этого вида спорта в конце 1920-х гг. стали военизированные лыжные соревнования.²⁶ Во второй половине 1960-х гг. в районе 12-го километра Московского тракта началось строительство нового спорткомплекса «Динамо» для проведения соревнований по биатлону. Это, а также строительство в конце 1960-х гг. Ново-Московского тракта (трассы Р242 «Екатеринбург — Пермь»), который прорезал центральную часть бывшего Квашнинского рудника, вновь привело к серьезному техногенному воздействию на площадку.

Развернувшееся на территории бывшего рудника строительство предопределило последующий фокус исследовательской оптики в отношении этого места. В 1960–1970-х гг. строители новых объектов дважды наткнулись на останки репрессированных. В первый раз это произошло в 1967 г. при строительстве новой стрелковой дистанции для соревнований по стрельбе работников МВД и внутренних войск к 50-летию Октября.²⁷ Второй раз — в мае 1974 г. при осуществлении

²¹ Георгий Вильгельм де Геннин. О горных заводах и заводских строениях. Екатеринбург, 2022. С. 258.

²² Корепанов Н. С., Стариков А. А., Бугров К. Д. Верх-Исетский завод (ВИЗ) // Екатеринбург: энциклопедия. Екатеринбург, 2023. Т. 1. С. 155.

²³ Погорелов С. Н. Обследование некоторых объектов связанных с революционным движением и Гражданской войне на Урале // Вестник Музея истории Екатеринбурга. Екатеринбург, 2014. Вып. 1. С. 28–35.

²⁴ ЦДООСО Ф. 41. Оп. 2. Д. 434. Л. 1–149.

²⁵ Новая граница массовых захоронений репрессированных 1930-х — 1950-х гг. в районе Мемориального комплекса на 12-м километре Московского тракта в городе Екатеринбурге / Пушкарев И. Е. [и др.] // Историко-географический журнал. 2023. Т. 2, № 4. С. 40–53.

²⁶ Азерный М. Л. Спорт // Екатеринбург: энциклопедия. Екатеринбург, 2002. С. 525–528.

²⁷ Шеваров Г. Н. Я видел, я слышал, я помню... (Репортажи, очерки, интервью, сценарии. 1959–2009 гг.). Екатеринбург, 2009. С. 301–311.

работ по формированию ложа новой автомобильной трассы. Тогда случайным образом были обнаружены останки около 200 репрессированных. Впрочем, огласке особая функция бывшего Квашнинского рудника была предана только в сентябре 1990 г., когда в газете «Вечерний Свердловск» была опубликована статья А. Ю. Левина «Секреты Московского тракта» о результатах раскопок и эксгумации останков, проведенной прокуратурой Свердловской области в районе 12-го километра Московского тракта.²⁸ За несколько дней до появления этой статьи, 10 сентября 1990 г., председатель городского исполнительного комитета Свердловска Ю. В. Новиков подписал решение о создании мемориальной зоны «на месте захоронения жертв сталинских репрессий» в районе 12-го километра Московского тракта.²⁹ В 1996 г. состоялось официальное открытие первой очереди Мемориала жертв политических репрессий, в 1999 и 2000 гг. — второй и третьей.³⁰

Археологическое обследование территории началось в 2017 г. и продолжалось на протяжении последующих пяти лет усилиями Музея истории Екатеринбурга при участии поисковиков, сосредоточивших свои усилия на обнаружении предполагаемых мест массовых захоронений. В 2022 г. научно-исследовательской группой Музея истории Екатеринбурга во главе с автором в рамках выполнения грантового проекта «Зона специального назначения “Двенадцатый километр”. Проявление», реализовавшегося при поддержке Департамента внутренней политики Администрации губернатора Свердловской области, была поставлена задача определить границы испытательного полигона НКВД 1930–1950-х гг., зоны массовых захоронений репрессированных, а также объекты, подпадающие под характеристики объектов культурного наследия.

Удалось выделить периметр испытательного полигона НКВД в 192,25 га, в центральной части которого — на территории бывшего Квашнинского рудника — функционировала площадка для приведения в исполнение смертных приговоров.³¹ Площадь, пройденная археологическими изысканиями (с шурфовкой), составила 25,16 га. Для определения наличия, местоположения и характеристик культурного слоя произведена закладка 68 шурфов и трех зачисток. Определены границы самой зоны массовых захоронений площадью 9,88 га, внутри которой зафиксированы остатки 52 коллективных захоронений репрессированных, 5 могильных ям 1930–1940-х гг. без антропологического материала, стрелковый тир и хозяйственно-бытовые площадки, функционировавшие в первой половине XX в. Кроме того, были определены границы самого Квашнинского рудника, площадь которого составила 7,98 га, выявлены объекты и предметы материальной культуры, связанные с ним.

Остатки рудника представлены меридионально разработанными карьерами, которые идут цепочкой друг за другом на сотни метров, а также отдельными открытыми карьерами разных форм (в основном продолговатыми, глубиной до 6–8 м). На дне некоторых карьеров фиксируются стволы шахт и дудки глубиной 5–15 м. Почти все они сейчас засыпаны грунтом либо затоплены. Среди разрезов и в окрестностях фиксируется множество шурфов, копавшихся при поиске рудных жил. К югу от Ново-Московского тракта территория рудника имеет более однородный характер и представлена менее глубокими выработками. В ходе обследования было зафиксировано восемь объектов, связанных с функционированием объекта, в том числе три хвостохранилища отработанных пород. Они представляют собой продолговатые холмы, ориентированные по линии запад — восток (направлены в сторону низкой заболоченной части) с пологими склонами, около 1,3–1,6 м в высоту и средней площадью 100–110 кв. м. Особый интерес представляет обнаруженная в шурфе № 43 в западной части рудника промывальная обогатительная станция — деревянная конструкция с лотком из бруса и опорой из бревна диаметром 33 см. Ранее такие объекты на территории Екатеринбурга не исследовались. Кроме того, были обнаружены остатки трех землянок с обваловкой и фундаментами из каменных блоков и битого кирпича с клеймами XIX в. Две из них находились в северо-западной части (площадью 93,5 и 135,5 кв. м) и одна в южной части (106,5 кв. м). Найдены были также остатки бани (62 кв. м). Судя по коллекции вещей, сочетающей предметы XIX в. и первой половины XX в., жилые помещения и хозяйственные постройки могли использоваться при функционировании полигона НКВД. Здесь также

²⁸ Левин А. Ю. Секреты Московского тракта // Вечерний Свердловск. 1990. 14 сентября. С. 1, 2.

²⁹ ГАСО. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 4447. Л. 148–149.

³⁰ Распоряжение главы администрации города Екатеринбурга от 11.10.1996 № 528-р «О проведении в г. Екатеринбурге мероприятий, посвященных Дню памяти жертв политических репрессий и торжественному открытию Мемориального комплекса на 12 километре Московского тракта» // Архив Администрации г. Екатеринбурга. Оп. 15-1-254-528р. Л. 74–76.

³¹ Новая граница массовых захоронений... С. 52, 53.

имелись подъездные дороги, остатки которых четко прослеживаются на площадке бывшего рудника по прорезанным в грунте колеям.

Сама вещевая коллекция включает 550 предметов, отражающих материальную культуру Екатеринбурга XVIII – начала XX в. Среди них фрагменты керамических (12 ед.), фаянсовых (39 ед.), фарфоровых (25 ед.), металлических изделий (48 ед.), стеклянных сосудов (15 ед.). Керамические и стеклянные изделия представляют собой остатки 22 сосудов преимущественно горшечной и баночной формы. Среди фрагментов фарфоровой и фаянсовой посуды имеется тарелка с клеймом фабрики М. С. Кузнецова, остатки стеклянных бутылок, банок и аптекарской посуды – донце бутылки с клеймом «КАВ. МИНВОДЫ.КИСЛОВОДСК КМР». Типичные для материальной культуры Екатеринбурга XVIII – начала XX в. изделия из металла: кованые гвозди (12 ед.), скобы (5 ед.), подковы и их фрагменты (4 ед.), остатки лопат (2 ед.), чугунок, штифты, дверные ручки, проволока, различные пластины, остатки навесных замков, стамески, шилья и т. п.

В ходе археологических обследований бывшего Квашнинского рудника на территории Екатеринбурга исследовалась и впервые была поставлена на учет в качестве выявленного объекта археологического наследия горнодобывающая площадка XVIII–XIX вв. Археологические методы использовались для выявления границ объекта, производственной, транспортной и хозяйственно-бытовой инфраструктуры рудокопов, в том числе картографирования горных выработок, площадок складирования продукции и отходов обогатительных производств – натурального описания характерного экстрактивного горнопромышленного ландшафта Урала XVIII–XIX вв.³² Весь этот объем информации отсутствует в письменных источниках по Квашнинскому руднику.

В случае с Сагринским рудником информации в архивах сохранилось больше, но археологические методы позволяют воссоздавать куда более подробную детализацию. Вряд ли коллекции Квашнинского и Сагринского рудников соответствуют выделенному Л. С. Клейном принципу сенсационности – это не царское погребение или что-то подобное.³³ Однако два этих типологически сходных объекта дают представление о том, как выглядели горнодобывающие площадки Нового времени на Среднем Урале и с какими следами бытования подобных объектов можно столкнуться на других территориях, в том числе внутригородских – многократно испытывавших повторное техногенное воздействие в виде застройки. Это актуально также потому, что на Урале находится наибольшее количество выработанных шахт, карьеров и заброшенных горнозаводских ландшафтов.³⁴ Соответственно, горнодобывающие площадки не имеют права оставаться атипичными с точки зрения единичности примеров их изучения.

С другой стороны, Квашнинский рудник – это пример многократного антропогенного воздействия – объект в объекте. В первой половине XX в. он выполнил мрачную миссию в качестве площадки для приведения в исполнение приговоров и захоронения репрессированных, затем превратился в спортивный центр и послужил ложем для ключевой транспортной артерии, где километровый указатель «12 километр Московского тракта» превратился в топоним, заставивший забыть историческое название. Однако исследование сложной исторической стратиграфии бывшего Квашнинского рудника, включая период 1930–1950-х гг., дает пример того, как археологические методы позволяют ликвидировать лакуны в исторической ткани.

В 1971 г. автор раскопок Плимутской плантации XVII в. Дж. Диц задался вопросом: «Надо ли археологу копать?»³⁵ Всегда ли есть в этом необходимость при наличии других источников информации? Сам Диц, который строил свою работу на выявлении закономерностей, отражающих изменения поведения человека в прошлом на основе находок – «маленьких вещей», дал на свой вопрос утвердительный ответ. Звучит он так: «Как Алиса Льюиса Кэрролла, археологи оказываются перед странным бытом подземелья и пытаются понять и объяснить его. Вполне возможно, что, вернувшись на поверхность и как следует осмотревшись, они откроют новые способы понять свой подземный мир. Так что новое путешествие туда, через заячью нору или через раскопанный квадрат пять на пять футов, будет более успешным».

³² Бугров К. Д., Бурнасов А. С. Экстрактивный горнопромышленный ландшафт и развитие креативной экономики: города Урала и Западной Сибири в контексте мировых процессов // Историко-географический журнал. 2025. Т. 4, № 1. С. 122–141.

³³ Клейн Л. С. Принципы археологии. СПб., 2001. С. 57, 58.

³⁴ Там же. С. 134.

³⁵ Deetz J. Must Archaeologists Dig? // Man's Imprint from the Past: Readings in the Methods of Archaeology. Boston, 1971. P. 4.

В этом смысле стоит поставить вопрос о выделении горнодобывающих площадок Нового времени как специфической производственно-экономической системы в отдельный тип памятников — горнопромышленных комплексов (ГПК).³⁶ Их необходимо исследовать через призму современного определения ГПК как совокупности производств, осуществляющих на определенной территории разведку, добычу, переработку минерально-сырьевых ресурсов и объединенных в общую административно-хозяйственную структуру.

Igor E. Pushkarev

Museum of History of Ekaterinburg (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: mie1723iep@yandex.ru

ATYPICAL STANDARD. A MODERN-ERA MINE AS AN ARCHAEOLOGICAL SITE IN EKATERINBURG

Industrial archaeology, as a distinct branch of urban archaeology, has experienced a renaissance of sorts in the Middle Urals over the past five years. This has largely been catalyzed by numerous development projects and revitalization processes, which are increasingly bringing new territories into economic development. For example, in Ekaterinburg, the sites of the former Uktus Ironworks and Nizhne-Isetsk Steel Plants have been registered as identified archaeological heritage sites in recent years. In the Revda Urban District, the dam and the Mariinsky Hammer Mill itself have been included. However, the results of archaeological work on former industrial and mining sites from the 18th and 19th centuries are practically never introduced into scientific circulation. Some groups of sites, such as modern-era mines and shafts, are even perceived as something exotic and atypical. This publication aims to fill these research gaps, drawing upon the research carried out by the Ekaterinburg History Museum team to identify and register old industrial sites, such as the Kvashninsky mine in Ekaterinburg and the Sagrinsky mine in the Nevyansky urban district. Given that the Ural region contains the largest number of exhausted mines, quarries, and abandoned mining landscapes, including extractive sites from the 18th and 19th centuries, the number of studies of these types of sites will only increase in the coming years.

Keywords: *industrial archaeology, modern era, cultural heritage site, plant, Kvashninsky mine, Sagrinsky mine, settlement layer of Ekaterinburg, extractive landscape, mining and industrial complex*

REFERENCES

- Abrisy V. de Gennina. Chertezhi i plany ural'skikh i sibirskikh zavodov XVIII veka* [V. de Gennin's Outlines. Drawings and Plans of Ural and Siberian Plants of the 18th Century]. Ekaterinburg: Artefakt Publ., 2015. (in Russ.).
- Alekseeva E. V., Bystrova T. Iu., Litovskiy V. V., Patrusheva S. A. [The Gold Mining Influence on the Urban Landscape Yekaterinburg Agglomeration (Part 1)]. *Akademicheskij Vestnik UralNIIproekt RAASN* [Academic Bulletin of the UralNIIproekt RAASN], 2023, no. 4, pp. 9–15. DOI: 10.25628/UNIIP.2023.59.4.001 (in Russ.).
- Azernyy M. L. [Sport]. *Ekaterinburg: entsiklopediya* [Ekaterinburg: Encyclopedia]. Ekaterinburg: Akademkniga Publ., 2002, pp. 525–528. (in Russ.).
- Baklanova N. A. [Glass Factories in the Moscow State of the 17th Century]. *Ocherki po istorii torgovli i promyshlennosti v Rossii v XVII i v nachale XVIII stoletiya* [Essays on the History of Trade and Industry in Russia in the 17th and Early 18th Centuries]. Moscow: GIM Publ., 1928, pp. 119–141. (Trudy GIM [Proceedings of the State Historical Museum]; iss. 4). (in Russ.).
- Baydin V. I., Grachev V. Yu., Konovalov Yu. V., Mosin A. G. *Uktus, Uktusskiy zavod i ego okrestnosti v XVII–XVIII vv.* [Uktus, the Uktus Plant and Its Environs in the 17th–18th Centuries]. Ekaterinburg: Grachev i partnery Publ., 2011. (in Russ.).
- Bugrov K. D., Burnasov A. S. [Extractive Mining Landscape and the Development of the Creative Economy: Cities of the Urals and Western Siberia in the Context of Global Processes]. *Istoriko-geograficheskiy zhurnal* [Historical Geography Journal], 2025, vol. 4, no. 1, pp. 122–141. DOI: 10.58529/2782-6511-2025-4-1-122-141 (in Russ.).

³⁶ Куклина Е. А. Горно-промышленный комплекс как производственно-экономическая система (методологический аспект) // Записки Горного института. СПб., 2005. Т. 161. С. 153–156.

- Deetz J. Must Archaeologists Dig? *In Man's Imprint from the Past: Readings in the Methods of Archaeology*. Boston: Little, Brown and Company, 1971, pp. 2–9. (in English).
- Hudson K. *Social History of Archaeology*. London: Macmillan, 1981. DOI: 10.1007/978-1-349-04311-8 (in English).
- Hudson K. *World Industrial Archaeology*. Cambridge, London, New York, Melbourne: Cambridge University Press, 1979. (in English).
- Kleyn L. S. *Arkheologicheskie istochniki* [Archaeological Sources]. Leningrad: LGU Publ., 1978. (in Russ.).
- Kleyn L. S. *Printsipy arkheologii* [Principles of Archaeology]. Saint Petersburg: Bel'veder Publ., 2001. (in Russ.).
- Korepanov N. S., Starikov A. A., Bugrov K. D. [Verkh-Isetsy Plant (VIZ)]. *Ekaterinburg: entsiklopediya* [Ekaterinburg: Encyclopedia]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta Publ., 2023, vol. 1, pp. 155–160. (in Russ.).
- Kuklina E. A. [Mining-Industrial Complex as a Production-Economic System (Methodological Aspect)]. *Zapiski Gornogo instituta* [Journal of Mining Institute]. 2005, vol. 161, pp. 153–156. (in Russ.).
- Kurlaev E. A. [A Historical Reconstruction of the First Ural Factories]. *Regional'nye stolitsy Rossii – tochki opory i rosta: materialy Vserossiiskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Regional Capitals of Russia – Points of Support and Growth: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with International Participation]. Ekaterinburg: Al'fa Publ., 2023, pp. 40–42. (in Russ.).
- Kurlaev E. A. [Archaeology in the Study of the History of Industry in the Urals]. *Okhrannyye arkheologicheskie issledovaniya na Srednem Urale* [Rescue Archaeological Research in the Middle Urals]. Ekaterinburg: BKI Publ., 2001, iss. 4, pp. 159–168. (in Russ.).
- Kurlaev E. A. [Research of the Shuvakish Plant and Problems of Industrial Archaeology]. *Polzunovskiye chteniya : tezisy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 265-letiyu so dnya rozhdeniya I. I. Polzunova* [Polzunov Readings: Proceedings of the Scientific and Practical Conference Dedicated to the 265th Anniversary of the Birth of I. I. Polzunov]. Ekaterinburg: BKI Publ., 1994, pp. 33–36. (in Russ.).
- Oborin V. A. [Some Issues of Archaeological Research of Ural Cities of the 16th–17th Centuries]. *Pamyatniki drevneishey istorii Evrazii* [Monuments of the Ancient History of Eurasia]. Moscow: Nauka Publ., 1975, pp. 264–270. (in Russ.).
- Plevako V. B. [The Emergence and Development of Industrial Archaeology]. *Pamyatniki nauki i tekhniki, 1989 g.* [Monuments of Science and Technology, 1989]. Moscow: Nauka Publ., 1990, pp. 3–15. (in Russ.).
- Pogorelov S. N. [First Secrets of Ekaterinburg's Urban Archaeology: Explorations and Discoveries at the Turn of the 20th–21st Centuries]. *Istoriko-geograficheskiy zhurnal* [Historical Geography Journal], 2023, vol. 2, no. 4, pp. 54–71. DOI: 10.58529/2782-6511-2023-2-4-54-71 (in Russ.).
- Pogorelov S. N. [Investigation of Selected Objects Connected with the Revolutionary Movement and the Civil War in the Urals]. *Vestnik Muzeya istorii Ekaterinburga* [Bulletin of the Museum of History of Ekaterinburg]. Ekaterinburg: BKI Publ., 2014, iss. 1, pp. 28–35. (in Russ.).
- Pogorelov S. N. [Preliminary Results of Historical Research on the Ipatiev Estate Territory in 2000–2001]. *Pravoslavie na Urale: Vekhi istorii. Materialy Vtoroy mezhregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Orthodoxy in the Urals: Milestones of History. Proceedings of the Second Interregional Scientific and Practical Conference]. Ekaterinburg: Ural'skoe tserkovno-istoricheskoe obshchestvo Publ., 2013, pp. 189–205. (in Russ.).
- Pushkarev I. E., Maslennikov E. R., Petrovskaya K. A., Kirova M. E., Karacharov I. K. [A New Border for Mass Graves of the 1930s–1950s Repressed People in the Area of the Memorial Complex at the 12th Kilometer of the Moscow Highway in Ekaterinburg]. *Istoriko-geograficheskiy zhurnal* [Historical Geography Journal], 2023, vol. 2, no. 4, pp. 40–53. DOI: 10.58529/2782-6511-2023-2-4-40-53 (in Russ.).
- Rassadovich A. I. [On the Question of the Origins of the Ural Mining Industry]. *Ural'skiy arkheograficheskiy ezhegodnik za 1971 g.* [Ural Archaeographic Yearbook for 1971]. Sverdlovsk: [s. n.], 1974, pp. 189–190. (in Russ.).
- Zaparyi V. V. [Industrial Heritage (Understanding the Concept in Russia and Abroad)]. *Ekonomicheskaya istoriya. Obzrenie* [Economic History. Review]. Moscow: MGU Publ., 2007, iss. 13, pp. 211–217. (Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU [Proceedings of the Faculty of History of Moscow State University]; iss. 39). (in Russ.).

Для цитирования: Пушкарев И. Е. Атипичное стандартное. Рудник нового времени как объект археологии в Екатеринбурге // Уральский исторический вестник. 2026. № 1 (90). С. 96–104. DOI: 10.30759/1728-9718-2026-1(90)-96-104.

For citation: Pushkarev I. E. Atypical Standard. A Modern-Era Mine as an Archaeological Site in Ekaterinburg // Ural Historical Journal, 2026, no. 1 (90), pp. 96–104. DOI: 10.30759/1728-9718-2026-1(90)-96-104.